© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 4, с. 44–59

А. А. Немировский

КУДУРРУ КАДАШМАН-ХАРБЕ I (YBC 2242) И ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВАВИЛОНИИ

В статье рассматривается преамбула недавно опубликованного кудурру касситского царя Вавилонии Кадашман-Харбе I (ок. 1400 г. до н.э.). Автор делает вывод, что этот царь прокламировал себя как правитель, выведший Вавилонию из ситуации, в которую ее ввергло падение династии Хаммурапи, и рассматривал свою победу над сутиями как исторический реванш по отношению к бедствиям периода указанного падения. Привлекая текст этого кудурру, можно также заключить, что в позднестаровавилонский период приевфратская Хана и владения касситского дома Гандаша были смежными, но различными территориально-политическими единицами, и что в некоторый момент правления Самсудитаны, еще до появления хеттов на вавилонском горизонте, Хана отложилась от Вавилонии и стала воевать с ней.

Ключевые слова: Вавилония, Кадашман-Харбе, Самсудитана, Гулькишар, касситы, амореи, ханеи, кудурру.

В своем недавнем фундаментальном издании средне- и ранненововавилонских кудурру – актов о земельных пожалованиях (Paulus 2014) С. Паулюс впервые опубликовала[1] кудурру Кадашман-Харбе I (Йельская коллекция, YBC 2242) – царя Касситской Вавилонии ок. 1400 г. до н.э. Этим актом Кадашман-Харбе жалует некоему храмовому чиновнику Мардук-шамши-или 3600 *ику* (ок. 12,7 км^2) земли в округе Хамри при Тигре. Существенный интерес для политической истории Вавилонии представляет вступительная часть этого кудурру, которую мы здесь и приведем в транслитерации и переводе:

i 1 *e-nu-um* 2 BU ⌈LUG⌉ KUR *su$_4$-me-rim* 3 *ù ak-ka-di-i* 4 *in Sa-am-su$_{17}$-di-ta-na* 5 *qí-it-bùl* ⌈MAR⌉.TU 6 ⌈*ti*⌉-*bu-ut ḫa-a-*[*ni*]-⌈*i*⌉ 7 ⌈*ù*⌉ *um-man kaš-ši-*[*i*]⌉ 8 [*ik*]-*ki-ru-ú-*⌈*ma*⌉ 9 [*us*]-*sà-aḫ-ḫa-a-am* 10 *ú-*⌈*ṣú*⌉-*ra-a-*⌈*tu*⌉ 11 *ù an li-mi$_x$-*⌈*tim*⌉ 12 *la bu-*⌈*uš*⌉-*šu-m*[*u*]⌉ 13 *ki-sur-*[*ru*]⌉ 14 *in u$_4$-mi-*[*šu*]⌉ 15 *Kad-*⌈*aš*⌉-*man-Ḫar-*[*be*]⌉ 16 LUGAL *ba-áb*-DINGIR.⌈DINGIR⌉[ki] 17 id AMAR.UTU-*šam-ši-ì-li* 18 MÁŠ.SU.GÍD.GÍD 19 *šu-me-ra-a* DUMU DINGIR.ZAG 20 UGULA É.dUTU 21 *mu-kil re-ši-*⌈*šu*⌉ 22 ⌈*li*⌉-⌈*ip*⌉ [l] ⌈dEN⌉.⌈DÙ⌉.TI 23 *ra-àm-ki* 24 É.U$_4$.GAL.GAL.LA 25 *ki-ma-at*$_{26}$ lLÚ.dDUMU.NUN.NA 27 MU *da-a-ri-i* 28 *ša tak-lim-tu* 29 d*Ad-du$_{10}$* 30 *ù* DINGIR.DINGIR GAL.GAL 31 *ub-lu-úš-ma* 32 *ka-mar su-ti-i* 33 *ra-ap-šu-ú-ti* 34 *iš-tu ma-ti* 35 *ṣí-it* dUTUši 36 *an ma-*⌈ti⌉ 37 *e-rib* dUTUši 38 *iš-ku-nu-ma* 39 *we-de-em*

Немировский Александр Аркадьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

[1] Paulus 2014, 296 –304.

$_{40}$ ⌈EN⌉ NU *re-e-eḫ* $_{41}$ ⌈*ir*⌉-*si-bu-šu-nu-ši-im* $_{42}$ *in bu-ni-šu* $_{43}$ ⌈*ki*⌉-*ma ì-lí* $_{44}$ *ḫa-di-iš* $_{45}$ ⌈*ip*⌉-*pa-lis-ma* $_{ii\ 1}$ ŠÁR^{iku} $_{2}$ *in* ⌈*er*⌉-*ṣé-ti* $_{3}$ *Ḫa*-⌈*am*⌉-*ri* $_{4}$ GÚ ^{i7}IDIGNA $_{5}$ *aš-ri i-ku-um* $_{6}$ *la* ⌈*sa*⌉-⌈*áp*⌉-*ku* [...]

$_{i\ 1}$ Когда (*e-nu-um*) $_{2}$ границы Шумера $_{3}$ и Аккада $_{4}$ при Самсудитане $_{5}$ атака (*qí-it-bùl*) MAR$^{?}$-*tu* (С. Паулюс читает ⌈MAR⌉, что даст «атака *марту*-амореев». – *A.H.*), $_{6}$ натиск (⌈*ti*⌉-*bu-ut*) *ha-a-X*-⌈*i*⌉ (С. Паулюс читает *ha-a*-[*ni*]-⌈*i*⌉, что даст «натиск ханеев». – *A.H.*) $_{7}$ и воинство касситов (*um-man kaš-ši*-⌈*i*⌉) $_{8}$ нарушили / сместили / изменили, и (⌈*ik*⌉-*ki-ru-ú*-⌈*ma*⌉) $_{9–10}$ земельные планы стали безвестны, $_{11–13}$ и не проводились (более) межевые рубежи (досл. межи для обвода. – *A.H.*), –

$_{14}$ тогда (*in u$_4$-mi*-[*šu*], досл. «в те дни, в то время») $_{15}$ Кадашман-Харбе, $_{16}$ царь Вавилона, $_{17}$ Мардук-шамши-или – $_{18}$ гадателя по жертвоприношениям, $_{19}$ шумерийца (*šu-me-ra-a*, нисба. – *A.H.*), сына Или-имитти, $_{20}$ *угулы*-смотрителя храма Шамаша, $_{21}$ надзиравшего за ним (храмом), $_{22}$ потомка (=внука) Бел-табтани-буллита, $_{23}$ жреца-*рамку* $_{24}$ в (храме) Эугалгал, $_{25}$ (происходящего) из рода $_{26}$ Лу-Думунуны, $_{27}$ долговечного именем[2],

– $_{28}$ тот (*ša*) (=Кадашман-Харбе; едва ли «того» = Мардук-шамши-или, как переводит С. Паулюс, см. ниже. – *A.H.*), который повеления $_{29}$ Адада $_{30}$ и великих богов $_{31}$ исполнил и $_{32–33}$ ниспровержение многочисленных[3] сутиев $_{34–35}$ от страны восхода Солнца $_{36–37}$до страны захода Солнца $_{38}$ учинил и $_{39–41}$ без единого оставшегося сокрушил их,

– $_{42}$ в милости своей, $_{43}$ как бог, $_{44}$ вызывающим радость образом[4] $_{45}$ призрел и $_{ii\ 1}$ 3600 *ику* $_{2}$ в области $_{3}$ Хамри $_{4}$ на берегу Идиглата (Тигра), $_{5}$ в местности, где $_{6}$ никакая дамба не насыпана… (пожаловал).

Итак, первый пассаж приведенного текста, начинающийся с оборота «когда», посвящен давним бедствиям Вавилонии (царства «Шумера и Аккада») при Самсудитане, последнем царе династии Хаммурапи (в конце концов, как известно, ниспровергнутого хеттами Мурсилиса I, взявшего Вавилон). Сообщается, что некие три врага, названия первых двух из которых, к сожалению, повреждены, – [*мар*] *ту*-амореи (?), ха[неи] (?)[5] и касситы – нарушили при Самсудитане границы Вавилонии и вызвали в ней какие-то тяжелые нарушения межевых границ и межевания (i 1–13).

Все эти события, в зависимости от решения проблем хронологиии, происходили за 100 с лишним – 200 с лишним лет до Кадашман-Харбе (при условно-общепри-

---

[2] MU da-a-ri-i, досл. «имени долговечного». По контекстку стк. i 14–27 ясно, что здесь стоят три оборота, последовательно описывающие происхождение Мардук-шамши-или по восходящей линии: как сына Или-имитти (i 19–21), «потомка» – здесь тем самым внука – Бел-табтани-буллита (i 22–24) и выходца из семейства Лу-Думунуны (i 25–27). Каждый из этих трех оборотов должен тем самым относиться к Мардук-шамши-или (т.е., например, слова «из рода Лу-Думунуны» относятся к нему, а не к названному только что Бел-табтани-буллиту), а вот уже эпитеты, стоящие внутри самих этих оборотов, – к названным в них объектам (т.е. *угулой* был Или-имитти, жрецом-*рамку* – Бел-табтани-буллит, а «имя долговечное» – эпитет-аппозиция, относящаяся к роду Лу-Думунуны).

[3] Досл. *ra-ap-šu-ú-ti* – «обширно (обитающих), широко (распространяющихся)».

[4] *ḫa-di-iš* «радостно» («в радости», «к радости», «радостным образом» и т.д.). Ясно, что здесь это наречие призвано передать прежде всего радость, вызываемую пожалованием у того, кто его получил.

[5] Подтверждение этих чтений см. ниже, на с. 51–55.

нятой пока дате падения Самсудитаны и Вавилона – 1595 г. до н.э. – Самсудитану и Кадашман-Харбе разделяют два века).

Во втором пассаже (i 14 – ii 4 f.), начинающемся с оборота «тогда», говорится уже о действиях самого Кадашман-Харбе: он избрал гадателя Мардук-шамши-или (приводится его генеалогия, i 19–27) и пожаловал ему землю близ Тигра (i 42 ff.). В этот пассаж вставлено сообщение о разгроме сутиев, состоявшемся при Кадашман-Харбе (i 28–41).

Здесь необходимо обсудить, кем именно является «тот, кто» (*ša*) исполнил повеление Ададa и великих богов и разгромил сутиев в стк. i 28–41. Нормальный, ненапряженный синтаксис требовал бы считать, что это *ša* относится к Мардук-шамши-или, и понимать конструкцию второго пассажа так: «Тогда Кадашман-Харбе Мардука-шамши-или (следует генеалогия), того, который (*ša*=Мардук-шамши-или) исполнил повеления Ададa и разгромил сутиев, в милости своей землей пожаловал». Так и переводит С. Паулюс.

Однако в вавилонской хронике P, посвященной царям касситского времени, именно этот разгром сутиев в практически тех же выражениях описан, как и следовало бы ожидать, как деяние самого Кадашман-Харбе:

i 5' [^{I}*Ka-dáš-man-Ḫa*]*r-be* DUMU ^{I}*Kara-in-da-áš* <...> $_{6'}$<...> *ka-ma-ri su-ti-i* <<*rab-ba-a-tú*>>^{6} $_{7'}$ TA *ṣi-it* ^{d}UTU^{ši} EN *e-reb* ^{d}UTU^{ši} *iš-pur-ma* EN NU GÁL E.MUQ^{meš}-*šú-nu* <*rab-ba-a-tú ú-šá-lik*> $_{8'}$ ^{URU}*bi-ra-a-tú ina qí-rib* ^{KUR}ḪI.ḪI *ú-kaṣ-ṣir* ^{PÚ}*ku-up-pu ip-te-e-ma* $_{9'}$ *a-na* EN.NUN^{tú} *du-un-nu-nu* UN^{meš} *ina šà-ši-na a-bur-riš ú-še-šib*[7]

i 5–9' Кадашман-Харбе, сын Караиндаша <...> ниспровержение сутиев от восхода Солнца до заката Солнца соизволил и их превеликие воинские силы к небытию <привел>. Крепости посреди гор Хехе[8] он устроил, колодцы вырыл и для усиления защиты надежно заселил их (крепости) людьми.

С. Паулюс отмечает это, но сохраняя свой перевод, просто констатирует получающееся при этом разноречие между нашим кудурру и хроникой P, не объясняя его[9]. Между тем сообщение хроники P само по себе требовало бы считать, что и в нашем кудурру сокрушителем сутиев выступает именно Кадашман-Харбе, и обсуждаемое *ša* относится к нему, что тоже возможно, только потребует видеть здесь эмфатический, ломаный синтаксис, отнюдь не исключенный для торжественной аккадской речи. В этом случае конструкция второго пассажа выглядела бы так: «Тогда Кадашман-Харбе Мардука-шамши-или (следует генеалогия), – он, который (*ša*=Кадашман-Харбе) исполнил повеления Ададa и разгромил сутиев, – в милости своей землей пожаловал».

Поскольку здесь возможны два варианта перевода, выбор между ними нужно обосновать подробнее. Допустим, что правилен перевод С. Паулюс и сокрушитель сутиев в нашем тексте – Мардук-шамши-или. Тогда одновременно получится, что:

---

[6] Слово *rab-ba-a-tú* по ошибке писца выписано здесь, а не на своем месте (ближе к концу следующей строки, где его и восстанавливают [у нас – в угловых скобках] наряду с другим, вообще пропущенным по ошибке писца словом, см. Grayson 2000, 171–172, n. i 6).

[7] Grayson 2000, 171 f.; Glassner 2004, 278.

[8] Вопреки часто повторяющемуся мнению, не Джебель Бишри, а Джебель Абу-Руджмайн (они же Джебель ат-Тадмур – Тадморские горы, Джебель аш-Шаэр), см. Немировский 1999, 153 сл.

[9] Paulus 2014, 301, Komm. z. i 32 – i 38.

– незначительный храмовый чиновник, гадатель по жертвоприношениям, осуществляет крупнейшее военное предприятие общегосударственного масштаба – возглавляет разгром сутиев «от восхода до заката солнца»;

– сам царь в своей надписи подает это как подвиг именно этого чиновника, а не свой собственный, и вообще никак не упоминает собственной роли в связи с этим подвигом – даже роли правителя, вдохновившего или предписавшего его (хотя все, что делают его подданные в его правление, – это, собственно, его царские успехи, и разгром сутиев был бы его царским свершением, даже если бы он не участвовал в соответствующих походах лично);

– сам царь в своей надписи заявляет, что его подданный совершил указанный подвиг, непосредственно исполняя приказ Адада и великих богов, – хотя по приказам богов действует сам царь, а подданный действовал бы уже по царскому приказу. Не по своей же воле, помимо воли царя, осуществлял бы разгром сутиев вавилонский командующий соответствующим походом!

По нашему мнению, все это невероятно, и сокрушителем сутиев в нашем тексте, как и в хронике P, выступает Кадашман-Харбе. Дополнительный аргумент в пользу этого решения см. в прим. 13. Впрочем, и при понимании, принятом С. Паулюс, для составителя и всякого читателя обсуждаемого кудурру описанный в нем разгром сутиев был бы прежде всего триумфом самого Кадашман-Харбе уже потому, что состоялся в его правление.

Покажем теперь, что два выделяющихся в нашем тексте пассажа – о бедствиях времен Самсудитаны и о разгроме сутиев при Кадшман-Харбе – по отдельности не имели бы смысла в контексте кудурру и включены в него именно как пара, дающая ясный и уместный в кудурру смысл глорификации царя – дарителя земли. Допустим, что первый пассаж надо было бы воспринимать вне связи со вторым. Это сразу породило бы несколько едва ли разрешимых вопросов:

– для чего включать в акт о земельном пожаловании описание очень давних (более чем столетней давности) поражений своей страны, да еще начинать с него этот акт, хотя никакой связи этих событий с дарением ниже не заявлено?

– а если в тексте все же решили зачем-то описать победоносный натиск внешних врагов Вавилонии при Самсудитане, то почему же при этом не были названы главные и наиболее успешные из этих врагов – хетты Мурсилиса I, захватившие Вавилон и положившие конец правлению Самсудитаны, и Гулькишар, царь Приморья, являвшийся главным антагонистом Самсудитаны еще до прихода хеттов (см. ниже) и овладевший вавилонским престолом в результате его падения под хеттским ударом?[10]

– как нарушение границ Вавилонии при Самсудитане могло бы привести ее к долговременной разрухе в межевании и забвению межевых границ, и для какой цели текст создает впечатление, что эта разруха продолжалась до самого правления Кадашман-Харбе (хотя в реальности такого быть не могло и прямо в тексте такого не говорится, тот факт, что сначала надпись говорит об общем смещении границ и прекращении составления межевых планов при Самсудитане, а потом сразу переходит к деяниям Кадашман-Харбе, оставляет именно такое ощущение)?

---

[10] Такой ход событий явствует, как давно указывалось (Landsberger 1954, 68; Goetze 1957, 66), из включения династии Приморья в царский список Вавилонии (список A). Единственным основанием для такого включения могло быть пребывание какого-то царя или царей Приморья на престоле Вавилонии, а единственным отрезком времени, в который это могло бы иметь место, был период сразу после падения Самсудитаны и Вавилона под ударом хеттов, когда в Приморье правил Гулькишар.

– почему в нашей надписи в число врагов, причинивших Вавилонии вред при Самсудитане, включено «войско касситов»? Ведь это те самые касситы дома Гандаша, который потом захватил вавилонский престол и очередным представителем которого на этом престоле был сам Кадашман-Харбе. Эти касситы действительно были одними из многих противников Самсудитаны, но далеко не главными (см. ниже), и называть их в нашем кудурру наряду с другими не было никакой необходимости. При этом, с одной стороны, как видно уже из сугубо касситского, а не аккадского имени Кадашман-Харбе, этот царь вовсе не хотел отгораживаться от своей принадлежности к касситам, а с другой – описывая в кудурру беды, которые претерпело при Самсудитане от внешних врагов Вавилонское царство «Шумера и Аккада», тот же Кадашман-Харбе явно рассматривает как «свою» сторону в этом конфликте именно это царство. Для вавилонского царя такой подход и неудивителен, но почему же тогда Кадашман-Харбе счел нужным специально упоминать тот не самый удобный для него на фоне всего изложенного факт, что его предки-касситы выступали в соответствующий период среди врагов этого «Шумера и Аккада» и причинили ему ущерб наравне с ханеями и амореями? А если уж он решил это отметить, то почему он описывает здесь «войско касситов» не просто как противников данного конкретного вавилонского царя – Самсудитаны, а именно как врагов самой страны «Шумера и Аккада», которую он здесь же представляет как «свою» для него сторону?

Второй пассаж, взятый в отдельности, тоже вызывает вопрос: какое отношение к данному земельному пожалованию имеет победа, одержанная при Кадашман-Харбе над сутиями?[11]

То, что наши пассажи надо воспринимать именно в единстве, как пару, взаимосвязанную по смыслу, специально подчеркивается и в самом нашем тексте формальными средствами – первый пассаж и деяния Кадашман-Харбе вводятся образующими очевидную пару наречными выражениями: оборотом «когда / вслед за тем, как...» (*e-nu-um*, i 1), начинающим первый пассаж, и оборотом «тогда, досл. в те дни, в то время» (*in* u_4*-mi-*[*šu*], i 14), который начинает второй пассаж, о действиях самого Кадашман-Харбе, и тем самым автоматически распространяется на вставленное в этот пассаж сообщение об одержанной при Кадашман-Харбе победе над сутиями. Эти обороты уже и формально соединяют наши пассажи в одно целое. А поскольку между соответствующими событиями прошло более века (и составители и адресаты-современники надписи это знали), применение указанных оборотов не могло быть случайным и не просто служило средством намеренного прямого указания читателю на то, что соответствующие пассажи надо понимать как единство, но и выражало эту мысль с особенной силой, сразу привлекающем внимание образом, на пределе используя возможности оборота «когда... тогда». Формально этот оборот не указывает, какой временной промежуток должен был пройти между соответствующими действиями, но фактически, конечно, подразумевает, что этот промежуток был невелик. Между тем здесь он составлял 100–200 лет, и применение конструкции «когда... тогда» к подобным событиям вопреки их хронологической удаленности друг от друга должно было бросаться

[11] При переводе С. Паулюс такая связь имеется, поскольку сокрушение сутиев в ее понимании подано здесь как деяние Мардук-шамши-или; тем самым оно образует заслугу, за которую и можно было бы дать пожалование. Однако выше было продемонстрировано, что победа над сутиями в нашем тексте заявлена как подвиг Кадашман-Харбе. Кроме того, в тексте нет ни намека на то, что данное пожалование – награда Мардук-шамшили-или за эту победу или какую-либо иную заслугу.

в глаза читателю и буквально понуждать его к осознанию того, что обсуждаемые пассажи образуют неразрывную по некоей смысловой связи пару.

В чем же могла состоять эта связь? Представляется, что только в одном: победа Кадашман-Харбе над сутиями представлена здесь как некий реванш за беды, некогда пережитые Вавилонией при Самсудитане, как исправление (или решающий этап исправления) ситуации, в которую ввергли Вавилонию эти беды. Собственно, уже сама связка «когда... тогда» прямо подает триумф Кадашман-Харбе как ответ или противовес поражениям, понесенным при Самсудитане. Пропуск всего периода между Самсудитаной и Кадашман-Харбе, так что вслед за поражениями первого оказываются сразу заявлены победы второго, задает то же самое впечатление[12].

К тому же выводу можно прийти и иным путем. Для помещения нашего второго пассажа – о победе над сутиями – в текст акта о земельном дарении трудно предположить какую-либо иную цель, кроме глорификации царя-дарителя. При этом первый пассаж, как констатировалось выше (и как удостоверяет конструкция «когда... тогда...»), связан со вторым в единое целое и тем самым должен работать вместе с ним на одну и ту же цель – т.е. на только что отмеченную (на материале второго пассажа) цель глорификации Кадашман-Харбе. Но чем могло бы ей способствовать описание бедственных для Вавилонии событий вековой давности? Очевидно, это было бы возможно лишь в том самом случае, предположенном нами выше, если подразумевалось, что именно Кадашман-Харбе преодолел эти бедствия или их наследие.

При предложенном понимании наших пассажей затруднения, которые они вызывали бы по отдельности, можно легко снять. Почему в кудурру упоминаются бедствия очень давнего прошлого, никак не связанного с самим пожалованием, а затем текст сразу переходит к правлению Кадашман-Харбе, с пропуском всего промежутка между ним и Самсудитаной, и вопреки всей продолжительности этого промежутка соединяет две эти фазы конструкцией «после того, как... – тогда...»? Потому что царь, оставивший это кудурру, хочет изобразить себя государем, который вывел Вавилонию из ситуации, заданной этими бедствиями, рисуя все прошедшее с тех пор время как период упадка или слабости, которым он положил конец. При этом речь идет о бедствиях времени Самсудитаны, т.е. времени падения I вавилонской династии – самого большого кризиса за всю историю Вавилонии к моменту правления Кадашман-Харбе. Получается, таким образом, что Кадашман-Харбе одержал не простой, а величайший из возможных исторический реванш, «покрыв» и преодолев своими успехами величайшее поражение, которое когда-либо несла Вавилония.

Почему в описание указанных бедствий, причиненных Вавилонии внешними врагами, внесена картина всеобщего нарушения межевания и забвения межевых границ (по контексту – актуального вплоть до времен самого Кадашман-Харбе), как будто внешние враги могли все это принести и тем более предопределить сохранение этих, якобы вызванных ими непорядков с межеванием на все протекшие с тех пор один-два века (нет сомнения, что в реальности межевые границы и были восстановлены всюду, где в этом возникала надобность)? Вероятно, потому что составителю текста надо было как-то привязать картину исторического реванша,

---

[12] Дополнительно оно усиливается тем, что в надписи специально сказано о случившейся при Самсудитане разрухе землеустроения, но ничего не говорится о дальнейшем положении дел в этой сфере – отчего единственный землеустроительный акт, фигурирующий далее, т.е. то самое земельное пожалование со стороны Кадашман-Харбе, которому посвящено наше кудурру, оказывается по контексту непосредственным противовесом указанной разрухе прошлого.

осуществленного Кадашман-Харбе, к куда более скромной тематике самой надписи – земельному пожалованию, и он не нашел лучшего способа сделать это, чем ввести в перечень бед, окончательно преодоленных Кадашман-Харбе, нарушение межевания – предмет, уже имеющий прямую тематическую ассоциацию с земельными пожалованиями. Кроме того, составитель таким образом, видимо, хотел показать, что указанное «возрождение» Вавилонии силами Кадашман-Харбе включает не только внешнеполитические победы, но и успехи во внутреннем обустройстве страны – в ее землеустроении.

Можно показать, что и сам перечень врагов, причинивших ущерб Вавилонии при Самсудитане – амореи, ханеи и касситы (первые два – при соответствующих чтениях С. Паулюс, ср. также ниже), согласован все с теми же целями изображения побед Кадашман-Харбе как реванша по отношению к поражениям времен Самсудитаны. Ведь при таком составе названных в тексте врагов, причинивших Вавилонии ущерб в те прошлые времена, получается, что триумф Кадашман-Харбе над сутиями как бы «снимает» этот ущерб по отношению ко всем трем указанным врагам. Вред, причиненный тогда Вавилонии касситами, оказывается заглажен и «снят» уже одним тем, что потомок вождей этих самых касситов, Кадашман-Харбе, ныне стоит во главе Вавилонии и одерживает ради нее великие победы над чужаками-сутиями[13], что и «перекрывает» давнишнее участие касситов во враждебных действиях против Вавилонии в эпоху Самсудитаны. А расплатой за участие в этих действиях аморе́ев и ханеев оказывается сама победа Кадашман-Харбе над сутиями, поскольку сутии, амореи и ханеи в узком смысле слова – это три подгруппы одной и той же общности полукочевых западных семитов («аморе́ев» или «сутиев» в широком смысле слова); для месопотамцев это близко связанные, а в широком смысле слова и просто перекрывающиеся понятия[14]. Поскольку ханеи и амореи в тексте нашего кудурру (при чтениях С. Паулюс) названы наряду друг с другом, то эти названия употреблены здесь в узком, не перекрывающем друг друга смысле; в насколько широком смысле употреблено ниже название «сутии», непонятно. Однако ассоциация сутиев с аморе́ями и ханеями была для вавилонян актуальна в любом случае, все они были для них аккадцев представителями одной и той же общности, так что даже при самом узком толковании термина «сутии» в нашем тексте он легко образовывал бы для них тот смысл, что Кадашман-Харбе

---

[13] Повторим, что эти победы должны были бы рассматриваться читателем надписи как триумф и заслуга самого Кадашман-Харбе уже потому, что они произошли в его правление, – даже если их непосредственным творцом (=*ša* в i 28) в нашем кудурру называется все-таки Мардук-шамши-или. Однако само выявленное выше значение пассажа о победе над сутиями как демонстрации исторического реванша по отношению к бедствиям времен Самсудитаны удостоверяет, что это *ša* относится к Кадашман-Харбе и победителем сутиев в надписи заявлен именно он. В противном случае получилось бы, что осуществление всего этого реванша и выведение Вавилонии из ситуации, в которую она была ввергнута падением династии Хаммурапи (разгром сутиев в надписи несет именно эту смысловую нагрузку) царь в своей надписи целиком объявляет деянием собственного храмового чиновника! Понятно, что подобная идея не могла входить в намерение составителей царского акта.

[14] См. подробно Kupper 1957, Heltzer 1981, Anbar 1991. Ср. во фразеологии эдиктов поздних царей династии Хаммурапи – Аммидитаны и Аммицадуки – население их державы описывалось ими просто как «аккадцы и амореи» (Hallo 1998, 398, с библиографией), в то время как в Вавилонии жили и ханеи, и амореи, и сутии в узком смысле слова; ясно, что понятие «амореи» здесь употреблено в наиболее широком значении, включающем все западносемитско-полукочевые племенные элементы государства – и ханеев, и сутиев, и аморе́ев в узком смысле соответствующих слов.

одолел (в лице сутиев) тех самых полукочевых западносемитских варваров, которые ранее (в лице амореев и ханеев) побеждали Вавилонию при Самсудитане. А поскольку Кадашман-Харбе говорит о победе над «сутиями» в самых широких выражениях (от области восхода Солнца до области заката Солнца), то эти столь масштабно описанные «сутии» могли бы естественно восприниматься уже и как сутии в наиболее широком смысле слова, покрывающем и амореев, и ханеев, или как общность, включающая и каких-то потомков амореев и ханеев времен Самсудитаны; в этом случае возвещаемая в нашем тексте победа Кадашман-Харбе над сутиями в еще большей степени была бы реваншем по отношению к названным выше успехам амореев и ханеев против Самсудитаны.

В целом наши два пассажа обнаруживают следующее соотношение: некогда западносемитские номады (амореи и ханеи) и касситы теснили Вавилонию; теперь же касситский царь во главе Вавилонии полностью разгромил западносемитских номадов («сутиев», включающих здесь, возможно, и каких-то амореев и ханеев). Легко заметить, что вторая картина последовательно, по всем элементам, «снимает» первую как полный реванш по отношению к ней: былые враги-притеснители Вавилонии теперь оказываются либо ее триумфальными защитниками и приумножителями, либо ниспровергнутыми ей жертвами, причем то и другое – в высшей степени. Под это впечатление, очевидно, и строился перечень былых врагов: иными словами, из многих бедственных ситуаций прошлого для соотнесения с победами Кадашман-Харбе над сутиями была избрана та, по отношению к которой эти победы могли быть представлены как последовательный реванш, т.е. как «переворачивание» этой ситуации в пользу Вавилонского царства по каждому из составлявших ее элементов.

Приведенная трактовка позволяет объяснить и то, почему в список былых врагов «своего» для Кадашман-Харбе царства, «Шумера и Аккада», включены его же предки-касситы (этот момент оказывается скомпенсирован и «перекрыт» самими подвигами Кадашман-Харбе во главе Вавилонии и только ярче оттеняет его роль благодетельного и могущественного вавилонского царя), и то, почему в этом списке нет главных противников Самсудитаны – хеттов и Гулькишара (по отношению к хеттам и к Приморью Кадашман-Харбе не делал и заведомо не мог бы сделать ничего такого, что можно было бы засчитать как реванш за вред, причиненный ими Вавилонии[15]. Тем самым, если бы их успешная борьба с Вавилонским царством была бы упомянута в нашем кудурру, она осталась бы без уравновешивающих ее контр-успехов Кадашман-Харбе, и получилось бы, что в надписи без всякой нужды описаны былые поражения Вавилонии, так и не преодоленные и не получившие ответа со стороны Кадашман-Харбе. Такого впечатления составители надписи, естественно, избегали, тем более в рамках своей задачи представить Кадашман-Харбе как раз царем, преодолевшим былые невзгоды).

Здесь необходимо сделать подробную оговорку. До сих пор в наших рассуждениях мы исходили из чтений перечня врагов Вавилонии (i 5–7), принятых С. Паулюс. Между тем написания названий первых двух из них в тексте повреждены, и необходимо специально рассмотреть вопрос, не мог ли здесь вместо «амореев» и «ханеев» значиться кто-то другой – прежде всего все-таки хетты. Приведем прорись соответствующих строк по С. Паулюс (Paulus 2014, Tafel 5):

---

[15] Царство Приморье было аннексировано Касситской Вавилонией задолго до Кадашман-Харбе, а Хеттское царство было вообще недосягаемо ни для него, ни для всех его предшественников на вавилонском престоле.

В стк. i 5 полуразрушенный первый знак названия противника Вавилонии , конечно, полностью подходит для чтения MAR, которое и принимает С. Паулюс. Никакое иное чтение не подходит ни лучше, ни в той же степени (хотя в том же тексте в стк. i 32 MAR выписано чуть-чуть иначе:). Тем не менее, на наш взгляд, нельзя совсем исключить, что это необычно выписанное средневавилонское ḪA[16]. В этом случае мы получили бы написание *Ḫa-tu*, что, учитывая орфографическую специфичность нашего текста, не вызывало бы никаких затруднений для транскрибирования *Ḫattu*, т.е. Хатти (это название неоднократно писалось по-аккадски и через одно *-t-*, и с окончанием на *-tu*). Повторим, что чтение MAR по начертанию подходит гораздо лучше, но в тексте, посвященном бедствиям времени Самсудитаны, ожидать упоминания хеттов по общим соображениям настолько естественно, что отбрасывать указанную возможность с ходу было бы неосторожно[17].

---

[16] Весьма вариативное в написании, в том числе в пределах нашего текста: i 6, i 9, и даже ii 3. Правда, все эти написания гораздо ближе к общему очертанию разных вариантов ḪA, чем обсуждаемый остаток знака. Тем не менее, учитывая средневавилонские написания ḪA и уже указывавшееся в нашем тексте, а также отмеченную С. Паулюс своеобычность палеографии и орфографии нашего текста в целом (Paulus 2014, 296, 300 f.), не было бы совершенно невероятным то, чтобы писец развернул сразу оба крайних левых элемента остриями вправо – по отдельности то один, то другой из них встречаются в ḪA в таком положении, а в только что приведенном написании уже оба они в некоторой мере приближаются по расположению к левым элементам обсуждаемого знака; а незначительное смещение одного из правых клинышков ḪA могло бы дать то начертание двух малых вертикальных элементов, которое мы наблюдаем в правой части нашего остатка

[17] Вместо MAR по начертанию можно было бы еще читать и UD (=*tam*), получая *tam-tu*, «море» или «морской», и пытаясь видеть в этом силлабическое написание названия «царство Приморья» или прилагательного «относящийся к царству Приморья», и (с не очень большим вероятием) SU, получая *sú-tu* «сутии» или «сутийский» (приносим благодарность И.С. Архипову за обсуждение с нами этих возможностей). Однако во II тыс. до н.э. название царства Приморья пишется шумерограммами, как KUR A.AB.BA, «страна моря», а когда позднее, в I тыс., слово «море» в составе этого названия может иногда писаться и силлабически, KUR перед ним все равно сохраняется практически всегда, в том числе в образованных от этого названия относительных прилагательных (откуда лишний раз видно, что KUR здесь не детерминатив, а значащее слово «страна», и все название – это именно «страна моря»). Встретить в тексте II тыс. написание *tam-tu* в качестве названия царства Приморья (или относительного прилагательного, образованного от этого названия) было бы тем самым крайне маловероятно. Чтение *sú-tu* «сутии» не очень подходит по начертанию и при этом ничего не изменит по смыслу сравнительно с чтением *mar-tu* «амореи» (учитывая соотношение терминов «сутии» и «амореи»).

Далее, поскольку надпись на кудурру, естественно, копировалась на камень с таблички, то не исключена и такая ошибка писца: на табличке стояло одно из обычных аккадских написаний названия Хатти *Ḫat-te*, с возможными начертаниями, например, * и * , а писец, копировавший надпись на камень, неправильно понял, где кончается один знак и начинается другой, и «увидел» это сочетание как , т.е. MAR.TÚ, после чего и понял его как *Martu* «амореи», и перенес на кудурру именно последнее слово.

Далее, если в i 6 читать ⌈*mar*⌉-*tu* «амореи» и не считать его ошибкой вместо *Ḫat-te*, остается более удобная возможность видеть хеттов в следующей строке, i 7, предполагая на месте полностью побитого там знака не NI, как С. Паулюс, а TI, и читая, соответственно, не *ḫa-a-*[*ni*]-⌈*i*⌉ «ханеев», а *ḫa-a-*[*ti*]-⌈*i*⌉ «Хатти / хеттов». Хотя это тоже было бы весьма своеобычным написанием слов «Хатти» или «хаттийцы = хетты», на фоне прочих орфографических своеобразностей нашего текста уверенно отвергать его на таком основании не приходилось бы.

Наконец, само написание *Ḫani* иногда могло означать не ханеев / жителей приевфратской Ханы, а иную, более северную Хану[18] и включавший ее территорию Ханигальбат: в частности, в надписи более раннего касситского царя Вавилона, Агума II, под «страной *Ḫani*», по-видимому, подразумевается именно последний[19]. Между тем Ханигальбат упоминается среди противников Самсудитаны в одном тексте гадания (ND 5492, см. ниже).

Таким образом, хотя понимание, предложенное С. Паулюс: *марту*-амореи в i 6 и ханеи в i 7 – самое вероятное с точки зрения аккадской орфографии и палеографии, все же по соображениям, связанным с чтением, нельзя до конца исключить и другие пары: Хатти в i 6 (или в соответствующем месте оригинала, с которого копировали текст на кудурру) и ханеи в i 7; Хатти в i 6 и Ханигальбат в i 7; *марту*-амореи в i 6 и Хатти либо Ханигальбат в i 7.

Нам представляется, однако, что некоторые соображения, связанные с содержанием текста, позволяют подкрепить чтения С. Паулюс и все же не считаться с альтернативными возможностями. Во-первых, все три оборота, называющие былых врагов Вавилонии (i 5–7) построены одинаково. Сначала стоит существительное в сопряженном состоянии, а вслед за ним – требуемое таким существительным косвенное определение в родительном падеже: *ti-bu-ut ḫa-a-X-i* «натиск ха...ев», *ù-um-man kaš-ši-i* «воинство касситов», аналогично и *qí-it-bùl X*-TU «атака (врагов)-*X*-TU», где после формы сопряженного состояния *qí-it-bùl* должно стоять слово в родительном падеже. Но тогда из всех возможных чтений на конечное *-tu* подходит только *mar-tu* «амореи», так как это несклоняемое слово, сохраняющее окончание *-tu* в любом падеже, включая родительный, а формы *ḫattu*, *tâmtu, sutu*, которые здесь пришлось бы видеть при других чтениях, отпадают, так как у них окончание *-tu* означало бы именительный падеж (понимать ли их как существительные или как относительные прилагательные), неуместный для имен, стоящих после слова в сопряженном состоянии. Принятое С. Паулюс чтение MAR.TU в стк. 5 остается тем самым единственно верным.

Во-вторых, обо всех трех врагах Вавилонии, названных в рассматриваемом перечне i 5–7, говорится только то, что они нарушили границы Вавилонского царства и линии межевания, так что в сфере межевания произошла разруха. Это, конечно,

---

[18] О ней см. Немировский 2012а, 10, с библиографией.

[19] Немировский 2012а, 11.

вред для Вавилонии и успех ее врагов, но и вред, и успех не особенно масштабный. Вписывается ли в рисуемую в подобных выражениях картину хеттское нашествие на Вавилонию, нанесшее ей несравненно более сильный удар – хетты взяли и разграбили Вавилон, покончили с правлением династии, царившей там от основания Вавилонского государства и вывезли к себе главные его святыни – статуи Мардука и Царпанит из храма Эсагилы? Нам кажется, что если бы составители кудурру включали в число вавилонских бедствий, описанных в обсуждаемом пассаже, также и это нашествие Мурсилиса I, то они использовали бы здесь более весомые выражения, чем простая констатация нарушений вавилонских границ, в качестве результата которых названа только «разруха» в межевании.

Далее, коль скоро заявлено, что вторжения перечисленных врагов вызвали эту разруху, то речь, вероятно, идет о каких-то непосредственно соседящих с Вавилонией врагах, которые в результате своих побед могли сами осесть на неких землях Вавилонского царства и нарушить внутренние границы его землевладений, заняв какие-то их части. Каким образом рейды из отдаленного Ханигальбата и еще более отдаленного Хатти могли бы привести к серьезным нарушениям межевания в Вавилонии? Эти победители, разграбив какие-то местности Вавилонии, просто возвратились бы с добычей домой, и непонятно, как они могли бы вызвать в Вавилонии искомые нарушения ее внутренних земельных границ. Между тем не измыслили же составители нашего кудурру эти нарушения на пустом месте: они могли еще преувеличить их масштабы и продолжительность, но зачем им понадобилось бы выдумывать их без малейших оснований в надписи такого содержания, как наша? Имей место такая выдумка, она была бы нужна, очевидно, только для того, чтобы дальше возвеличивать царя за преодоление этого выдуманного бедствия. Но ведь дальше в нашем тексте нет никаких похвал в адрес Кадашман-Харбе за какие-то меры в сфере землеустроения, нет даже и упоминания таких мер. Имплицитно присутствующая в тексте противоположность между давним упадком землеустройства и нынешним благим царским актом земельного пожалования (и то, и другое касается межевания, при этом первое подается как факт негативный, а второе – как позитивный) – момент для нашего текста второстепенный и дополнительный; в противовес описанию былых бед прямо сообщается лишь о победе Кадашман-Харбе над сутиями.

Итак, враги, выведенные в нашем тексте – это ближайшие соседи Вавилонии, «изменявшие» своими захватами ее внутренние земельные границы. Для приевфратских ханеев, прихабурско-приевфратских касситов – подданных князей из дома Гандаша (которые потом и захватили престол Вавилонии) и ближних к Вавилонии верхнемесопотамских амореев, обитавших восточнее Ханы до Загроса, это условие подходит, для Хатти и Ханигальбата, как упоминалось, – нет.

Наконец, тот вывод, что победа Кадашман-Харбе над сутиями играет в нашем тексте роль реванша-компенсации по отношению к описанным ранее бедствиям правления Самсудитаны, не зависит от соображений, связанных с составом врагов, перечисленных в i 5–7: для этого вывода достаточно и других оснований, см. выше. Между тем, как уже упоминалось, если бы среди этих врагов присутствовали Хатти или Ханигальбат, то искомая картина реванша оказалось бы напрочь подорвана: и Хатти, и Ханигальбат-Митанни в эпоху Кадашман-Харбе были великими державами, в конфликты с ними Вавилония тогда не вступала (хетты и вовсе были для нее недосягаемы, а Митанни находилось в апогее могущества), и если бы какая-то надпись сначала описывала победы, одержанные ранее Хатти и Ханигальбатом над Вавилонией, а потом попыталась бы уравновесить это побе-

дами Кадашман-Харбе над несравненно менее важными сутиями, это звучало бы фактически скорее насмешкой над ним и над Вавилонией, чем их прославлением: получилось бы, что Хатти и Ханигальбат притеснили Вавилонию совершенно безнаказанно, а отыгрываться она может только на разрозненных мелких племенах. Вообще описывать победы, которые над твоей страной ранее одержали продолжающие существовать и по-прежнему могущественные державы, не сообщая тут же о том, как-де эти победы оказались отомщены самим этим державам, было бы для царской надписи очень странно. Между тем ни о хеттах, ни о Ханигальбате в «победной» части нашего текста заведомо нет и речи.

По совокупности приведенных соображений мы считаем, что чтения С. Паулюс в i 5–6: «амореи» и «ханеи» – следует принимать с уверенностью.

Рассматриваемый текст дает тем самым внести некоторые дополнения в политическую историю Вавилонии обоих затронутых в нем периодов – времени Самсудитаны и падения I династии Вавилона и времени Кадашман-Харбе.

О внешнеполитических перипетиях эпохи Самсудитаны до сих пор было известно не так уж много, и дошедшие свидетельства позволяют говорить о нескольких фазах этих перипетий, все более опасных для Вавилонии. О первой фазе дает понятие тот факт, что в Терке, столице евфратской Ханы, были найдены два контракта, один из которых (TQ12–13, с сильным вавилонским влиянием) называет в качестве царя Аммицадуку, предшественника Самсудитаны, а другой (TQ 12–18, с типичным для Терки формуляром, но введением Мардука в клятвенную формулу) – самого Самсудитану[20]. Таким образом, в начале правления Самсудитаны его царство было настолько могущественно, что прямо включало, как и при его предшественнике, Хану, не имевшую в это время даже (в отличие от некоторых других эпох вавилонского господства над этой областью) своих собственных правителей, подвассальных Вавилону.

Гадательный запрос-*таmиту* ND 5492, стк. 26–95[21], озаглавленный в самом тексте (стк. 95) «*Таmиту* о безопасности города (Вавилона. – *А.Н.*)», составлен в правление Самсудитаны и говорит о целом ряде врагов, которые стали враждовать с ним и угрожают Вавилонии и самой ее столице: (31–45) «...Войско эламское, войско ...-ратское (понимать: [хабу]ратское, от топонима Хабуратум??[22] – *А.Н.*), войско «редумское» (??), войска касситские, войско идамарац (аморейское племя. – *А.Н.*), что в (стране) Идамарац, и иные (союзные) войска, что вместе с ними, войско ханигальбатцев и иные войска, что вместе с ними, войско самхарское (самхару – вероятно, аморейское племя. – *А.Н.*) и иные войска, что вместе с ними, войско эдашуштское, все «охотники», вспомогательные войска его и союзные войска его, и иные войска, что вместе с ними, – вражеские войска, [все] сколько их есть, кто против Мардука и Самсудитаны, сына Аммицадуки, царя Вавилона, стали враждовать, и злоумышления и враждебное (нам) дело постоянно измышляют...» (далее спрашивается, не повредят ли они каким-то образом «граду этому» – Вавилону и не захватят его).

Этот текст отражает опасность, угрожающую самой столице Вавилонии, но в перечне врагов нет ни хеттов, ни ханеев, ни приморцев. Как видно, приевфратская Хана еще продолжает контролироваться Вавилонией, а Приморье и хетты не вступили еще с ней в войну и не считаются угрозой.

---

[20] Podany 2002: 7, 10, 56; Rouault 2004, 56.

[21] Транслитерация, перевод и комментарий в: Lambert 2007, 21–29, 143 ff.

[22] Область при Восточном Хабуре на левобережье Тигра севернее Ниневии.

Наконец, в неопубликованном, сильно разрушенном эпическом тексте HS 1885+ антагонистом Самсудитаны выступает Гулькишар, царь Приморья[23], а общеизвестный комплекс текстов дает понять, что ниспровержен Самсудитана был походом хеттов под началом Мурсилиса I, взявших, наконец, Вавилон. ND 5492 отражает тем самым некую «среднюю» фазу правления Самсудитаны, а сообщения о борьбе с ним Гулькишара и о вавилонском походе хеттов – финальную.

Как в этот ряд вписывается сообщение нашего кудурру? Оно отражает ситуацию, когда главными врагами Самсудитаны являются некие амореи, отличные от них ханеи и, наконец, касситы, но не хетты и не Гулькишар. Кто здесь «амореи», отличные от ханеев, можно понять как раз по гадательному запросу ND 5492, где аморейское племя идамарац и вероятно аморейское племя самхарцев названы среди всевозможных врагов Вавилонии, а ханеи – нет. Под «амореями» наше кудурру понимает, таким образом, идамарац и какие-то другие группы амореев центрально-восточной части Верхней Месопотамии (отличные от ханеев).

Поскольку в ND 5492 среди врагов Вавилонии названы касситы и некоторые аморейские группы, но не ханеи, а в нашем кудурру – и касситы, и амореи, и ханеи, то надо считать, что кудурру отражает следующую стадию «средней» фазы после той, что отмечена в ND 5492: теперь уже и Хана отложилась от Вавилонии и выступила против нее. Хетты же на этом этапе еще не появились на вавилонском горизонте, и Гулькишар также еще не успел стать главным антагонистом Самсудитаны.

Чрезвычайно важную информацию можно извлечь из нашего кудурру по вопросу о территориально-политическом соотношении приевфратской Ханы, прихабурско-приевфратских касситов из дома Гандаша (их территория отмечена в одном источнике как «наследственные поселения» – *bītāti* – некоего касситского *бугаша*, т.е. князя Агума, обнаруживающегося и в касситском царском списке как Агум Старший[24]) и Вавилонии к концу правления Самсудитаны. Давно выясненные тесные связи касситов дома Гандаша с приевфратской Ханой оставляли неясным вопрос о том, были ли владения приевфратско-прихабурских касситов частью царства Ханы или просто лежали рядом с ней; а поглощение Ханы Вавилонией к какому-то моменту правления Аммицадуки и продолжение прямой вавилонской власти над Ханой при Самсудитане (см. выше) позволяли ставить вопрос и о том, какая судьба ждала при этом связанные с Ханой касситские владения[25].

Поскольку, однако, в кудурру Кадашман-Харбе касситы и ханеи названы как две разные группы врагов Самсудитаны, а в оракуле ND 5492 касситы числятся среди врагов Самсудитаны, а ханеи – нет, остается считать, что приевфратские касситы и Хана занимали смежные, но различные области и представляли собой две разные территориально-политические единицы с различными на каких-то этапах историческими судьбами. Это никак не мешало бы, конечно, в какой-то момент одной из этих единиц контролировать другую или даже вступать с ней в унию (именно так можно объяснять единичное появление на троне позднестаровавилонской Ханы правителя с касситским именем Каштилиаш при том, что примерно в то же время некий Каштилиаш – возможно, тождественный вышеназванному, – возглавлял касситов дома Гандаша согласно касситскому царскому списку[26]).

---

[23] Zomer 2012; Zomer 2013.

[24] Немировский 2012a, 1, с библиографией.

[25] См. Немировский 2012a, 13.

[26] См. Podany 2002, 43 ff.

Далее, поскольку в кудурру Кадашман-Харбе касситы названы в числе именно внешних врагов Вавилонского царства «Шумера и Аккада» (поскольку сказано лишь, что они нарушили и изменили границы этого царства; представляется ясным, что так можно говорить только о внешнем противнике, а не о мятежных жителях самой Вавилонии), нужно заключить, что в соответствующее время, т.е. около середины правления Самсудитаны, касситы располагали собственной территориальной базой, которую вавилонские сведущие люди, составители нашего кудурру, задним числом воспринимали как внешнюю по отношению к территории Вавилонского царства того же времени Самсудитаны.

Из всего сказанного следует, что, во-первых, касситские владения при Евфрате лежали по внешнюю сторону территории, воспринимавшейся как собственно «Шумер и Аккад» позднестаровавилонского времени, и, во-вторых, если касситские владения при Евфрата и разделили в какой-то степени участь Ханы (т.е. тоже были подчинены Вавилонии при Аммицадуке и в начале правления Самсудитаны; судить об этом трудно), то уже около середины правления Самсудитаны эти касситы во всяком случае были независимы от Вавилонии и боролись с ней как внешние враги, как видно из нашего кудурру. При этом какое-то время Хана еще оставалась подвластна Вавилону, в то время как касситы с ним уже воевали (этот момент отразился в ND 5492), а потом Хана и сама отложилась от Вавилонии и выступила против Самсудитаны как отдельный от касситов враг (этот момент отражен уже в нашем кудурру).

Что касается самого Кадашман-Харбе, то обсуждаемый текст дает знать, что он прокламировал себя как своего рода возродителя Вавилонии после периода упадка, в который она вступила с падением дома Хаммурапи, и свою победу над сутиями считал краеугольным пунктом этого возрождения. Эта концепция (о которой без нашего кудурру ничего не было бы известно) была так для него важна, что он проводил ее даже в актах земельных пожалований.

Кроме того, Кадашман-Харбе дистанцируется в пользу Вавилонии от своих собственных предков того периода, когда они были чужаками для Вавилонии и враждовали с ней (т.е. периода до занятия ими вавилонского престола): для эпохи Самсудитаны «своей» стороной для Кадашман-Харбе, согласно нашему кудурру, оказывается Самсудитаново Вавилонское «царство Шумера и Аккада», а касситы – просто одной из групп его внешних врагов. Этот подход резко констрастирует с более ранним подходом касситского царя Вавилона Агума II (правил за 100–150 лет до Кадашман-Харбе), который в своей знаменитой надписи, напротив, прокламирует себя как «сын Уршигурумаша, потомок Абиратташа, герой-богатырь, отпрыск Каштилиаша, первый по старшинству наследник Агума Старшего» (R V 33 i 13–19[27]), перечисляя здесь ряд касситских вождей из дома Гандаша, правивших задолго до захвата этим домом вавилонского престола.

Когда именно произошел соответствующий перелом в официальном самовосприятии касситских царей Вавилонии (и был ли вообще подобный общий перелом, или речь идет только о разных политических концепциях лично Агума II и Кадашман-Харбе, не позволяющих судить о соответствующих подходах других царей), надежно установить при имеющемся состоянии источников не представляется возможным. Еще раз обратим, однако, внимание на то, что Кадашман-Харбе в обсуждаемом кудурру подчеркнуто опускает весь период

[27] О том, что этот текст, вопреки мнению ряда специалистов, не подложен, а является копией подлинной надписи Агума, см. Немировский 2012b, 167–179.

между Самсудитаной и самим собой, связывая поражения Самсудитаны и свои победы конструкцией «после того как... тогда» (как будто между ними ничего не происходило) и рисуя себя как искупителя и отмстителя вавилонских бед времен падения династии Хаммурапи (в том числе как искупителя вреда, причиненного Вавилонии его же предками-касситами). Судя по всему этому, можно думать, что именно Кадашман-Харбе и ввел как нечто существенно новое свой описанный выше подход к вавилонской истории, сам приписывал поэтому своему правлению переломный, «возродительный» характер и до известной степени осуждал весь предыдущий период правления собственной династии (как время господства противоположного, старого подхода, выраженного у Агума II?), представляя на кудурру этот период как не стоящий даже выделения «провал» между собой и Самсудитаной.

Литература

1. *Немировский А.А*. 1999: Западные владения Касситской Вавилонии в XV–XIV вв. до н.э. и арамейское (ахламейское) переселение // ВДИ. 1, 146–165.
2. *Немировский А.А*. 2012a: Некоторые эпизоды истории Ханы и сопредельных регионов во второй трети II тыс. до н.э. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 8 (16).
3. *Немировский А.А*. 2012b: «Царь кутиев, неразумных людей»? Кутии в сфере власти и титулатуре Агума II (XVI в. до н.э.) // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / В.П. Буданова (ред.). М., 165–189.
4. *Anbar M.* 1991: Tribus amurrites de Mari. Göttingen.
5. *Glassner J.-J.* 2004: Mesopotamian Chronicles. Atlanta.
6. *Goetze A.* 1957. The Kassites and Near Eastern Chronology // JCS. 18, 63–73.
7. *Grayson A.K*. 2000: Assyrian and Babylonian Chronicles. Winona Lake.
8. *Hallo W.W.* 1998: Two Letter-Prayers to Amurru // Boundaries of the Ancient Near Eastern World: A Tribute to Cyrus H. Gordon / M. Lubetski et al. (eds.). Sheffield, 397–410.
9. *Heltzer M.* 1981: The Suteans. Naples.
10. *Kupper J.-R*. 1957: Les nomades en Mésopotamie au temps des rois de Mari. P.
11. *Lambert W.G*. 2007: Babylonian Oracle Questions. Winona Lake.
12. *Landsberger B.* 1954: Assyrische Königsliste und «Dunkles Zeitalter» // JCS. 1954. 8, 31–45, 47–73, 106–133.
13. *Paulus S.* 2014: Die babylonischen Kudurru-Inschriften von der kassitischen bis zur frühneubabylonischen Zeit. Münster.
14. *Podany A.H*. 2002: The Land of Hana: Kings, Chronology, and Scribal Traditions. Bethesda.
15. *Zomer E.* 2012: HS 1885+: Enmity against Samsu-ditana (Master thesis Leiden University).
16. *Zomer E.* 2013: Enmity against Samsu-ditana: paper pres. at Rencontre Assyriologique Internationale 59th «Law and (Dis)Order in the Ancient Near East» (Ghent, 15–19.07.2013), (https://www.academia.edu/4505160/Enmity_against_Samsu-ditana).

KADAŠMAN-HARBE I's KUDURRU (YBC 2242) AND SOME PROBLEMS OF THE POLITICAL HISTORY OF BABYLONIA

Alexandr A. Nemirovsky

The author analyses the preamble from the recently published kudurru of the Kassite king of Babylonia Kadašman-Harbe I (ca. 1400 BC). He comes to the conclusion that this king positioned himself as the one who delivered Babylonia from the state in which it had come after the fall of Hammurabi's dynasty and considered his victory over the Suteans as a historical revenge for the calamities the country had gone through during the period

of this fall. The texts of the kudurru allows to think that in the late Old Babylonian period Hana on the Middle Euphrates and the dominions of the Kassite House of Gandaš were two contiguous, but different territorial and political units and that at a certain moment under Samsuditana (and before the Hittites appeared at the Babylonian horizon), Hana seceded from Babylonia and began a war against it.

Keywords: Babylonia, Kadašman-Harbe, Samsuditanam Gulkišar, Kassites, Amorites, Hanaeans, kudurru.

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

sidelts@inbox.ru